

ТАЙНАЯ ГВАРДИЯ БЕРИИ

ХОЛОДНАЯ АКВАТОРИЯ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Холодная акватория / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Тайная гвардия Берии).

ISBN 978-5-04-186633-4

Сентябрь 1942 года. Новороссийск захвачен фашистами. Предприятия города эвакуированы. В акватории порта советскими инженерами тайно затоплен образец новейшей торпеды. Немцы, узнав об этом, начали активные поиски, чтобы наладить собственное производство этого мощного оружия. опередить противника, найти и уничтожить торпеду поручено группе майора Максима Шелестова. Бойцы пробираются в оккупированный город, надеясь разыскать единственного оставшегося в живых участника затопления. Они не предполагают, что у этой тайны есть еще один свидетель...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186633-4

© Тамоников А.А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

Строительство оборонительного района велось и днем и ночью. Но к началу наступления фашистов на Новороссийск закончить работы и завершить оснащение всех огневых точек и позиций так и не удалось. Уже шли бои, а войска оборонительного района с помощью местных жителей продолжали строительные работы. Войска держались на передовом рубеже, который протянулся по левому берегу реки Кубань и находился в 40—60 километрах от города. Заканчивались работы на основном рубеже от Анапы до мыса Дооб. Много сил было брошено на создание тылового рубежа прикрытия на окраинах города.

Но силы были неравны. Враг бросил на город две пехотные и три кавалерийские дивизии. А все, чем располагало командование под Новороссийском, все, что удалось отвести с Тамани и Темрюка, не позволяло создать полноценной

обороны. Немцы превосходили обороняющихся по численности своих войск почти в четыре раза.

Мощным ударом со стороны Краснодара враг оттеснил наши потрепанные в боях части к станице Крымской и за одни сутки вышел к передовым позициям Новороссийского оборонительного района. Несмотря на превосходство врага, войска 47-й армии и части морской пехоты остановили гитлеровцев, не дав им прорваться к городу. Но фашисты перебросили дополнительные силы с туапсинского направления и нанесли сокрушительный удар в районе Анапы, заставив наши войска отступить. В районе Темрюка, Варениковской и Красного Октября отрезанными от основных сил оказались части морской пехоты. Командование запретило отступать и приказывало держаться до последней возможности, сковывая силы врага.

Но в ночь на 10 сентября враг все же занял Новороссийск. К этому времени Новороссийская военно-морская база была уже переведена в Геленджик. Из самого города удалось частично эвакуировать оборудование и запасы готовой продукции нескольких заводов. В том числе чудом удалось эвакуировать оборудование и материалы Научно-исследовательского центра гидромеханики.

Заведующий «Лабораторией-28» профессор Горобецкий стоял посреди своего кабинета с черными от копоти руками и просматривал бумаги. Рядом стояло большое жестяное ведро, в котором горел огонь. Десятки документов, чертежей уже были брошены в костер. Кроме уже отправленных архивов, лабораторных образцов, оставался еще личный архив профессора и переписка. Все, что не поместится в черный портфель с двумя металлическими замками, должно сгореть. Нет уже возможности выносить и грузить коробки, ящики, не осталось машин и почти не осталось сотрудников в здании. Эдуард Васильевич Горобецкий, как капитан терпящего бедствие корабля, намеревался покинуть лабораторию последним. Убедившись, что врагу не останется ничего.

В здании еще были слышны чьи-то шаги, хлопали двери. Со звоном разбилось и полетело на улицу стекло. Канонада раздавалась уже совсем близко. За сегодняшний день дважды налетала вражеская авиация. Люди выбегали из домов и смотрели, как несколько советских истребителей пытались остановить армаду немецких бомбардировщиков.

Бомбы падали на окраине города и в порту. На дороге горела машина, где-то ржала ране-

ная лошадь. По улицам разбросаны вещи, поломанные повозки и тележки. Кто мог, уходил из города вместе с предприятиями, остальные пробирались к родным и близким южнее по побережью.

Но у многих такой возможности не было, они с тоской, злобой и страхом смотрели на эвакуирующихся. Никто не знал, что их ждет, когда отступят части Красной армии. Никто не знал, удастся ли удержать город.

Эдуард Васильевич знал, что по городу ползут самые страшные слухи. Немцы войдут и начнут расстреливать коммунистов и тех, кто поддерживал советскую власть.

Но не это сейчас волновало профессора Горобецкого. До сих пор не вернулся в бухту катер «Катран». Связь с судном прервалась пять часов назад. На борту кроме экипажа находились сотрудники лаборатории, проводившие испытания секретной торпеды, которую разрабатывал НИЦ гидромеханики, и в частности «Лаборатория-28». Самым главным было то, что лаборатория не могла вывезти экспериментальный образец, который находился на испытаниях в море.

— Лида! — снова крикнул профессор, не отрывая взгляда от бумаг, которые просматривал, сминал и бросал в огонь. — Лида!

— Да, Эдуард Васильевич! — Раскрасневшаяся от волнения, растрепанная молодая женщина вбежала в кабинет.

— Лида, где «Катран»? Что известно? Где, в конце концов, Белохвостов?

— Я здесь, — мягко отстранив секретаршу, в кабинет вошел грузный лысеющий мужчина. — Нет связи. У нас батарея села, а связисты уже уехали. Я попытался с моряками связаться, с комендантом порта, но там такое творится... Я же не могу открытым текстом запрашивать, не видел ли кто наш катер с секретным образцом на борту. Помогите, дело государственное...

— Николай Кондратьевич! — Профессор замер на месте и с недоумением посмотрел на сотрудника. — Вы соображаете, что вы говорите? У нас секретный образец черт знает где, а мы не можем ждать и должны уехать. Вы руководитель испытаний, вы должны все обо всем знать. Вы должны были еще пять часов назад поднять весь гарнизон, НКВД, моряков, черта лысого, но найти «Катран». Найти и эвакуировать изделие. Это наш последний образец, самый совершенный! Ничего не хочу слышать! Срочно найти «Катран»! Вы понимаете, что мы с вами под расстрел пойдем из-за потери образца?

Белохвостов закивал головой и попятился. Он еще никогда не видел заведующего лабораторией в таком состоянии. Профессор Горобецкий был человеком выдержанным, прекрасным ученым, хладнокровным интеллектуалом. Проводя эксперименты или готовя теоретическую базу, он всегда был сдержан, не опускался до бесконечных споров, всегда находил изящное научное и техническое решение. И вот сейчас... Белохвостов кивал, глядя на профессора со страхом. Как война людей меняет, как калечит...

Продолжая рвать и бросать в огонь бумаги, Горобецкий прислушивался к грохоту орудийных выстрелов, бесконечной дробы ружейной и пулеметной стрельбы. «Неужели враг войдет в город?»

Ученый не сразу услышал женский крик. Когда в кабинет вбежала Лида с сумасшедшими глазами, профессор, наверное, впервые в жизни испугался очень сильно. Эдуард Васильевич всегда умел находить выход из любого положения, из любой ситуации, всегда верил в силу власти, армии и милиции. Ничто не могло его вывести из равновесия, и вот...

— Что? — сорвавшись на фальцет, спросил Горобецкий.

— Белохвостов... там, — глотая слезы, секретарша бессмысленно тыкала рукой куда-то за свою спину.

— Да что случилось? — почти закричал профессор, догадываясь, что грянула еще одна беда.

— Николай Кондратьевич... Там... застрелился!

Горобецкий смотрел на женщину и не замечал, что из его похолодевших рук на пол валяются бумаги. Сейчас он осознавал только то, что за все теперь отвечать придется ему одному, его все бросили. И даже Белохвостов. Как он мог? В такую минуту...

Шелестова привезли на Лубянскую площадь в три часа ночи. Проезжая через затемненный город, глядя из окна машины на темную массу кремлевских стен, на пустой в ночное время Александровский сад, Максим думал о том, сколько еще впереди горя и страданий. Тяжелый 1941 год, полный непонимания и отчаяния, позади, но вот наступление фашистов приостановлено, вот уже отбросили их полчища от Москвы. Дорогой ценой, но отбросили. И как вздохнул народ! Ведь смогли же — целую армию осилили! И снова появилась надежда в глазах людей, вера появилась! Напряжением сил всего народа

и каждого человека в отдельности куется победа. Раскручивается тяжелый маховик, с неимоверными усилиями раскручивается. И когда раскрутится, его уже будет не остановить.

Когда машина выехала на Лубянскую площадь, внутри шевельнулось что-то животное, холодное. Сразу нахлынули воспоминания о проведенных здесь месяцах, о допросах, о чувстве безысходности и отчаяния, которого он никому не показывал. Только сам Максим знал, чего ему стоило тогда выжить.

— Разрешите, товарищ старший майор? — Шелестов привычно вытянулся по стойке «смирно», хотя был в обычном гражданском костюме.

Платов, не поднимая головы, сделал жест рукой, приглашая войти и указывая на стул возле небольшого приставного столика. Максим помедлил, бросив взгляд по сторонам. Давно он не был в этом кабинете, но казалось, что здесь ничего не изменилось. Привычки сильны не только у простых людей, но даже у таких серьезных разведчиков, как Платов.

Стоит им только оказаться дома, в хорошо знакомой обстановке, как сразу начинают проявляться привычки. И настольная лампа с зеленым абажуром на столе, а ведь лампа другая, не та, что видел Шелестов в прошлом году. Но вот

зеленый цвет нравился хозяину кабинета, успокаивал его, помогал размышлять. И на окнах не видно собранных в гармошку белоснежных занавесок. Во всех кабинетах они есть, а в кабинете Платова нет. И даже сейчас, когда окна задернуты плотными шторами светомаскировки, Максим был уверен, что нет за ними белых занавесок. Не любил старший майор Платов легкомысленного белого цвета и различных кружавчиков и оборочек. Только зеленый абажур, только плотное зеленое сукно на столе и темно-коричневые тяжелые шторы на окнах. А на столе стакан в подстаканнике все с той же вмятиной на боку, которую хорошо помнил Шелестов.

— Приехали? — то ли констатировал, то ли спросил Платов. Скорее просто выдержал этим бессмысленным вопросом паузу, чтобы была возможность перестроиться на новую тему, оторваться от бумаг. — Поспать нам с вами сегодня не удастся. Видать, после войны отоспимся.

— Вам и сроки ее окончания известны? — не удержался от сарказма Шелестов.

— Сроки? — Платов посмотрел на собеседника задумчиво, без гнева за эту колкую вольность. — Можем подискутировать, опираясь на аналитику, и назвать с относительной точностью сроки окончания войны. Только я смысла

в этом не вижу. Никакой практической пользы. Тем более в рамках вашего предстоящего задания.

— Слушаю вас, — сухо ответил Шелестов и сложил руки на столе, готовясь запоминать и анализировать сведения, которые сейчас получит.

— Задание у вашей группы будет непростое, — откинувшись на спинку кресла, заговорил Платов. — Осложняется оно тем, что работать вам придется по ту сторону линии фронта.

Максим продолжал смотреть на своего начальника, не выражая никаких эмоций. Хотя в душе он был удивлен. Для таких заданий у закордонной разведки есть свои силы и средства. И большой опыт. Что это Платову взбрело в голову посылать за линию фронта свою группу? Или это приказ Лаврентия Павловича? Берия часто совершал поступки, на первый взгляд лишённые понятной логики. Но в конце концов оказывалось, что интуиция и холодный расчет всемогущего наркома никогда не подводили.

— Понимаю ваше удивление, Максим Андреевич, — кивнул Платов, правильно уловив сомнения командира группы. — Но давайте все же анализировать, а не использовать только одни чувства. Эмоции вредны даже взводному

командиру на передовой. А уж вам-то с вашим опытом, при вашей профессии, так вообще опускаться до элементарного удивления нехорошо. Я подбирал состав вашей группы таким образом, чтобы иметь под рукой специалистов разноплановых, опытных. Мы будем терять время и развивать эту тему?

— Ставьте задачу, — сухо ответил Шелестов, уязвленный тем, что Платов снова убедил его своей убойной логикой, наблюдательностью и умением работать с людьми.

— Тогда вникайте в ситуацию. — Платов поднялся из своего рабочего кресла и прошелся по кабинету, задумчиво глядя в пол. — Думаю, вы в курсе, что враг занял Новороссийск. Из города удалось вовремя и с минимальными потерями эвакуировать многое, что не должно было достаться гитлеровцам. Но кое-что все же осталось. И это «кое-что» вам нужно найти и уничтожить. Речь идет о секретной разработке Научно-исследовательского центра гидромеханики. Идея абсолютно новая, нестандартная. И эта идея не должна попасть в руки врага потому, что в Германии тоже есть ученые и они быстро поймут принцип и смогут воссоздать то, что не успели сделать мы.

— Что это? Катер? Двигатель?

— Торпеда. — Платов присел на край стола, покачивая носком сапога. — Торпеда, которая может развивать скорость до нескольких сотен километров в час. Она быстрее существующих типов в несколько раз. Уничтожить ее или свернуть ее с курса не сможет ни одно судно, даже если вовремя засечет всплытие подводной лодки или атаку торпедного катера. Понимаете? Подводники, чтобы наверняка поразить цель, вынуждены подходить к вражеским судам очень близко, а это риск — тебя догонят эсминцы и забросают глубинными бомбами.

— Но как это возможно? — удивился Шелестов.

— Как-то возможно, — развел руками Платов и снова начал расхаживать по кабинету. — Нам с вами не важна техническая сторона, нам важно найти экспериментальный образец и уничтожить его. Не дать возможности врагу познакомиться с технической идеей. Иначе мы рискуем остаться без военно-морского флота, а фашисты окажутся хозяевами морей. Торпеда затонула во время испытаний где-то в Темрюкском заливе. Катер, на котором проводились испытания торпеды, затонул во время налета вражеской авиации. Так что вам предстоит не просто техническая работа по взрыву объекта —

вам его еще предстоит найти. Мы не имеем сейчас ни одного свидетеля, который мог бы указать место, где затонула торпеда. Она или исчезла во время пуска, или затонула вместе с катером. Этого мы не знаем. Когда наши войска отступали, под Темрюком осталась бригада морской пехоты. Они дрались в окружении, обеспечивая поиски катера. Катер не нашли. Командование и разведуправление фронта приняло единственно возможное решение, хоть как-то гарантирующее уничтожение торпеды. Они отбомбили предполагаемые участки акватории. Так что, Максим Андреевич, имейте в виду, что бригада морской пехоты там полегла. Конечно, не стоит говорить, что из-за торпеды — они бились с врагом, уничтожали его, сковывали силы фашистов, давая возможность нашим войскам перегруппироваться, давали возможность эвакуировать из города все важное и ценное.

— Я понял вас, Петр Анатольевич. И ответственность оцениваю реально. Мы имеем представления хоть о каких-то границах зоны поиска?

— Боюсь, что нет. Вам предстоит сначала искать людей, владеющих информацией о торпедо, а уж потом, на основании полученных сведений, искать ее саму.

Михаил Сосновский в тренировочных штабах и майке не спеша бежал по дорожке стадиона бывшего пионерского лагеря «Зорька». Здесь размещалась база, на которой формировались и готовились разведывательно-диверсионные группы для заброски в тыл врага. После боев под Москвой, когда Отдельная мотострелковая бригада особого назначения войск НКВД была брошена на передовую, бойцы этого подразделения выполнили множество успешных операций в тылу врага. Тогда подразделения бригады, личный состав которой набирался из спортсменов и специалистов в самых разных областях, ставили минно-взрывные заграждения и проводили подрывные работы перед наступающим противником на подступах к Москве и в полосе Западного фронта. Тогда же, зимой 1941/42 года, мобильные лыжные отряды ОМСБОН провели множество успешных рейдов в ближнем тылу противника. С января 1942 года, когда бригаду переподчинили 4-му «диверсионному» Управлению НКВД, основной задачей соединения стала подготовка отрядов для действий в глубоком тылу противника. Теперь оно находилось в непосредственном подчинении у Берии. Уже к началу осени 1942 года в тыл врага было заброшено 58 таких отрядов. Как прави-

ло, они превращались затем в крупные партизанские отряды.

Сосновский знал это, но сейчас ему хотелось со стороны посмотреть на человека, который войдет в их группу для заброски в Новороссийск. Самое правильное впечатление о незнакомце создается, когда он не знает о твоём внимании, когда он не играет, не пытается казаться лучше, чем есть на самом деле. Каждый человек неосознанно при общении с новым человеком пытается играть. Такова наша природа.

Михаил бежал по дорожке, глядя, как тренируются бойцы. Силовая тренировка, гимнастическая. У того высокого мужчины специальная тренировка: хорошо двигается. Сразу видно, что боксер. А этот — лыжник — руками работает. Трудно лыжнику летом форму поддерживать. А вот это пловчиха!

Молодая женщина лет двадцати с небольшим в тренировочном синем костюме с вылинявшей надписью «СССР» на спине поднималась и сбегала вниз по деревянной скрипучей лестнице, ведущей на верхний ярус трибун. Потом она стала подниматься, прыгая на одной ноге, затем сменила ногу. Потом растяжка — она положила одну согнутую в колене ногу на край парапета. Плечи у женщины были сильные, ши-

рокие. Короткие русые волосы, серые пронзительные глаза, упрямые тонкие губы. Работает на тренировке серьезно, без слабины. Привычка, закалка серьезной спортсменки.

— Уф, — Сосновский подбежал к женщине и сразу сбавил шаг. — Хорошо, что сегодня не так жарко.

Спортсменка покосилась на общительного незнакомца и снова начала делать наклоны. Сосновский улыбнулся. «А ведь она чуть дольше, чем надо, задержала на мне взгляд», — подумал он. Так женщины смотрят, если мужчина понравился, если в нем она сразу увидела что-то привлекательное. Кому-то нравятся утонченные или правильные черты лица, кому-то внешняя харизма, кто-то видит глубину души. «А что, — с иронией подумал Сосновский, — я харизматичный, привлекательный и довольно душевный мужчина».

— Сентябрь в этом году жарковат, не находите? — Сосновский сделал несколько взмахов руками, потом перешел к упражнениям по восстановлению дыхания, хотя в этом не было никакой необходимости.

— Вы кто? — Женщина выпрямилась и пристально посмотрела Михаилу в глаза. — Вам что-то от меня нужно?